

Откат.

– Егор Тимурович, Вы давали за последнее время много интервью, характеризовали ситуацию, в которой оказалась наша страна. Однако происшедшее, безусловно, имело свою предысторию. Не могли бы Вы рассказать о том, как шли реформы в последние годы? Каковы особенности их продвижения или, если хотите, проталкивания?

– Стратегическое отличие большинства государств, входивших ранее в состав советской империи, от других постсоциалистических государств, оказавшихся способными провести энергичные рыночные реформы, в том, что там удалось создать достаточно широкое согласие в элитах в отношении стратегии развития и основополагающих целей этих стран, наложить табу на особенно опасные экономическо-политические эксперименты. Возьмем Польшу, как пример страны, в которой реформы оказались успешными. В Польше все последние годы шла ожесточенная политическая борьба, проходили выборы, менялись правительства. Тем не менее, на протяжении всего этого времени польская элита была твердо убеждена, что Польша должна стать европейской страной, войти в состав Европейского союза, а чтобы это было возможно, у нее должна быть устойчивая конвертируемая национальная валюта, стабильные финансы, открытая экономика, надежные гарантии частной собственности. При всех колебаниях в экономической политике варианты развития событий, которые были бы прямо направлены на подрыв этих ключевых элементов польской трансформации, никогда не стояли всерьез на политической повестке дня. Кто бы что ни говорил в ходе избирательной кампании, придя в парламент или правительство, – никто не мог, да и не хотел, подрывать стабильность национальной валюты, гарантии частной собственности и т.д. Да, это привносило в польскую политику своеобразные элементы, когда партии

шли на выборы под одними лозунгами, а потом правительства, которые они формировали, проводили иную политику. Но, тем не менее, за сравнительно короткое время в Польше удалось сформировать базовые элементы работающей рыночной экономики и обеспечить экономический рост.

Для всех постсоциалистических стран, в том числе и для тех же Польши, Чехии, Венгрии, Эстонии, Латвии, – в социально-политическом отношении переход от социализма к капитализму был тяжелым. Всегда и везде, как бы хорошо ни шел переход, есть те, кто теряют, и те, кто выигрывают. И те, кто теряют, думают, что они теряют из-за реформ, а те, кто выигрывают, уверены, что выигрывают, потому что они умные, работающие и везучие. Везде возникает мощная антиреформаторская волна. В этой связи, нормальный политический цикл постсоциалистического периода в странах, где политическая элита была ориентирована на реформы, развивается так: первые выборы приводят к власти антикоммунистов и демократов. Они начинают реформы, идет тяжелый переход, порождающий новые проблемы: взвившиеся цены, расслоение общества, неравенство, безработица, растущее недовольство... Реализация этого недовольства на следующих парламентских выборах выливается в приход к власти “как бы реакции”, ибо эта реакция в подавляющем большинстве – мягкая реакция, псевдореакция, она, эксплуатируя лозунги и стереотипы недовольства, на самом деле стратегически ориентирована на достижение тех же самых результатов, что и демократы-антикоммунисты. А. Квасьневский точно так же хочет, чтобы Польша вошла в Европейский союз, хочет считаться по-европейски демократическим лидером, он категорически не хочет, чтобы в Польше были финансовая катастрофа, развал, нестабильность. В этих странах иногда реформы замедляются, меняется словесная упаковка, но подрыва реформ не происходит, быстрее или медленнее, с откатом, но развитие событий идет в том же направлении, что и при реформаторах первой волны. Видя отсутствие обещанных результатов, население разочаровывается в политике посткоммунистов, которые обманули электоральные ожидания, не построили всеобщего счастья, где снова все будут равными. В результате третьи выборы выигрывают, как правило, антикоммунистические силы, те же реформаторы первой волны, как это было в Польше. Так накатываются и откатываются политические волны. Но эти волны

слабы, несокрушительны, они не останавливают тяжелого движения мощного потока трансформации от состояния развалившегося социализма к состоянию работающего эффективного рынка.

– *Получается, что в ряде постсоциалистических стран, о которых Вы упомянули, реформы хоть с трудом, но все же идут без очевидного отката назад, а как же с Россией?*

– Да, реформы идут тяжело, и вы не найдете ни одну страну, где бы ее население было довольно приватизацией, где можно было бы сказать, что приватизация проведена экономически эффективно и социально справедливо. В ходе приватизации почти повсеместно существенную роль играют инсайдерские группы, как правило, связанные с хозяйственным руководством прежнего режима. При этом продолжает формироваться рыночная экономика с устойчивой валютой, с понятными правилами игры, с разумными процентными ставками, с гарантиями прав собственности, с экономическим ростом. Как и в какой степени удастся решать проблемы второго этапа реформ, сделать государственную машину более экономичной, социальную поддержку более адресной, налоговую систему в максимальной степени эффективной – это отдельная история, но первый этап в странах, где есть консенсус, как правило, проходит успешно.

Специфика России, как, кстати говоря, и целого ряда других постсоциалистических стран (Болгария и Румыния – классический пример аналогичной ситуации в Восточной Европе), состоит в том, что здесь политическая элита не была столь единой. Здесь сохранялись принципиальные разногласия – не по риторике предвыборных кампаний, а по существу – куда идти. Значительная часть общества в России и значительная часть политических элит хотела видеть свою страну государством европейского типа со всем набором признаков, характерных для такого государства, – с конвертируемой валютой, с частной собственностью, с правами человека. Хотели жить в стране, дружественной по отношению к наиболее развитым демократическим государствам мира, в стране с мирной внешней политикой, граждане которой не являются крепостными своего

государства, не бряцающей оружием, не страдающей по имперской славе и т.д. Но большая часть российской политической и экономической элиты, так же как и значительная часть общества, по-другому видела стратегические ориентиры и была убеждена в том, что Россия должна быть евразийской страной, она должна противостоять Западу, у нее должен быть свой путь. Да, полагают они, конечно, социализм в старом виде развалился и в полном объеме его реставрировать нельзя, но можно создать некий гибрид из социализма и капитализма, который будет отражать нашу особую евразийскую сущность.

– То есть начинаются старые песни об “особенной стати”, отличном от других аршине, российской идее и т.д.?

– Да, свой аршин... Или так называемый третий путь. Как в свое время точно сказал Вацлав Клаус, “Третий путь существует – это путь в третий мир”. Из второго мира, социалистического, который развалился, действительно было открыто два пути. Есть тяжелый, но возможный путь в мир развитых, обеспеченных западных демократий. И еще один путь – в третий мир, мир бедных, нестабильных, коррумпированных авторитарных режимов. Вот, собственно, и весь стратегический выбор. Суть в том, что в Польше элиты были консолидированы и было твердое желание идти в первый мир, а в России были и есть принципиальные разногласия по поводу того, в какой мир мы хотим.

Специфика России состояла в том, что у нас иная, имперская традиция. Для восточноевропейских стран или для стран Балтии анестезией к социальной травме реформ была обретенная ими независимость. Для России тяготы реформ усугублялись утратой империи и ностальгией по ней. Коммунистическая партия у нас была не вассальной, а имперской. Поэтому когда она начала эволюционировать после развала социализма, то двигалась не в сторону социал-демократии, как в большинстве восточноевропейских стран, а в сторону национал-социализма, в сторону использования имперских традиций.

– Получается, что в отличие от большинства стран Восточной Европы второе пришествие коммунистов в России было бы более опасным?

– Безусловно. Именно поэтому я и мои единомышленники считали крайне опасным развитие событий, при котором на первой возвратной волне коммунисты могут прийти к власти. Связанная с ними угроза была куда больше, чем опасность возврата посткоммунистов восточно-европейских стран. Собственно, эти обстоятельства, связанные со спецификой страны, с ее традициями, привели к своеобразному ответу на вызов краха социализма и тяжелых реформ в российской политике. Ответом оказалась сильная президентская власть – конституционно сильная, слабый парламент – конституционно слабый. Эти рамки и определяют главенствующую, основополагающую роль президента, формирующего правительство, отвечающего за то, что происходит, президента, который вынужден принимать тяжелые решения, если они необходимы, даже если краткосрочно они будут непопулярны, потому что за результаты реформ ему придется отвечать завтра и послезавтра. В этой ситуации президент становится главным проводником трансформации, проводником реформ, а в парламенте достаточно серьезную роль играют партии, не приверженные рыночной, демократической модернизации России. У сторонников рыночной трансформации (сторонников – в самом широком смысле слова) большинства в Российском парламенте, Верховном Совете, Государственной Думе, собственно, не было никогда. Можно было принимать те или иные рыночные законы до того, как какие-то реальные реформы начались. Был период, когда Дума была более или менее “приличной” – в 1993–1995 годах, когда мы смогли провести важные рыночные законы, когда “Выбор России” был самой большой фракцией в Думе, но все равно это была не та Дума, где существовало реформаторское большинство. Именно эта ситуация, когда за все 7 лет тяжелого перехода у нас не было реформаторского большинства в парламенте, имеет фундаментальное значение для всего хода трансформации в России, как и для возникновения политического и экономического кризиса 1998 года.

– Но если нет поддержки в парламенте, остается уповать на президента, если он так “конституционно силен”?

– В этой ситуации возможность проведения реформаторской политики оказывается в серьезной степени зависимой от позиции президента. Если ответ на вызов, связанный с разделенностью общества, в том, что вы получаете сильного президента, тогда не удивляйтесь, что изменение позиций президента существенно влияет на весь ход трансформации. Между тем, конституционно сильный президент находится не в вакууме, в любой создавшейся ситуации он оказывается точкой приложения всего набора давлений – общественных, лоббистских и т.д. Сейчас очень много говорят о Пиночете – это модно. Говорят о том, какие замечательные либеральные реформы он провел. Собственно, предложить программу либеральных реформ, в рамках которой ты получишь эффективную экономическую систему, несложно. Одна проблема – подобного рода реформы всегда противоречат интересам мощных лоббистских групп. В условиях демократии эти группы объединяются и отстаивают свои интересы – через конгрессменов, сенаторов, общественные комитеты и т.д. Если вы исключаете демократический процесс защиты частных интересов, те же лоббистские интересы прорастают у вас через диктатуру, но уже по-другому: скажем, военно-воздушные силы становятся объектом лоббирования одной группы интересов, а военно-морские – другой. В Чили был уникальный случай, когда диктатура оказалась способной противостоять лоббистам.

Сильный президент оказывается в точке, где на него со всех сторон оказывается давление. Есть часть общества, которая хочет от него, чтобы он проводил реформы, поддерживая реформаторов, а есть часть общества, которая говорит: ну зачем так радикально, ни в коем случае, надо осторожно, медленно... И эта часть общества указывает ему на то, что она лучше первой, да еще имеет серьезную поддержку в Думе... Отсюда рваный ритм преобразований в России, когда реформы начинаются в условиях экстремального кризиса, потом, как только этот экстремальный кризис проходит, они останавливаются. Но реформы – это ведь как езда на велосипеде – долго не прстоишь, надо двигаться, чтобы удержаться. Именно в условиях

обострения кризиса, порожденного пробуксовкой реформ, возникает новый импульс к тому, чтобы их продвинуть. Однако в ситуации, когда вы имеете оппозиционное большинство в парламенте, проводить структурные реформы непросто. Можно решить важные тактические проблемы, например, на время остановить инфляцию, а вот заложить долгосрочные основы финансовой стабильности, нормальной бюджетной и налоговой системы, добиться, чтобы государство не обещало больше того, что оно может дать, – для этого нужны законы, нужна парламентская поддержка.

– Ну хорошо. А если вернуться к чилийскому прецеденту: может быть, диктатор-либерал избавил бы Россию от таких конвульсий?

– Да, диктатор-либерал мог бы избавить Россию от таких конвульсий. Но никто не может гарантировать, что диктатор будет либералом. Почему-то даже те, кто готов полностью расстаться с демократическими свободами, из сотен возможных вариантов коррумпированных диктатур, начиная от Батисты и кончая Иди Амином, которые приводили к крови и развалу, выбирают только одну, оказавшуюся экономически эффективной диктатуру. Почему-то считается, что Россия из всех неудавшихся авторитарных экспериментов обречена в экономическом смысле получить самый удачный. Странная гипотеза, вряд ли имеющая какие-нибудь корни в истории России.

Отсутствие парламентской поддержки приводило к тому, что реформы в России были крайне непоследовательны, шли с серьезными отступлениями, оказались растянутыми. Отсюда ряд существенных следствий. Первое: когда нет единства в том, нужна ли стабильная валюта, то период высокой инфляции оказывается растянутым. Следствие длинного периода высокой инфляции – падение доверия к национальной валюте. Нынешняя долларизация экономики – естественный результат периода длинной инфляции. Низкое доверие к рублю, низкие сбережения в национальной валюте, низкая доля денег в ВВП – это неизбежный результат колеблющейся, нерешительной политики, отсутствия того, что называют “шоковой терапией”.

Второй социально-экономический результат – это постоянно сохраняющийся и нарастающий бюджетный кризис. Суть бюджетного кризиса предельно проста: в рамках данной социально-экономической среды есть верхний предел налогообложения и есть набор обязательств государства. В России фундаментальная проблема заключалась в том, что государственные органы никак не могли договориться о том, что обещать можно только то, что можешь заплатить. Иными словами, органы власти могут разбираться как угодно с тем, что и как они хотят потратить, но одно они должны понимать: если ты обещаешь больше, чем можешь дать, – ты обманываешь людей. Если ты обманываешь людей – это значит, что ты сам подрываешь основу собственного государства. Когда армия не платит за электроэнергию, коммунальное хозяйство не платит за потребляемый газ, сельское хозяйство, которому предоставлены гарантированные кредиты, не платит за купленную нефть, государство само дает мощнейший аргумент промышленно-финансовым структурам, почему они могут не платить налоги.

Пока государство не соотнесло свои расходные обязательства со своими доходами, проблемы нарастают, усугубляются, идет эрозия налоговой базы. Создаются предпосылки для развития взаимозачетов, бартера, неплатежей. Из этого положения только три выхода. Первый из них: делать вид, что ничего не происходит. Тогда накапливаются неплатежи по зарплате, по пенсиям, сокращаются бюджетные доходы. Правительство, закрыв глаза, ждет, когда же это все взорвется. Второй: правительство в какой-то момент решает начать печатать деньги, чтобы ликвидировать неплатежи. И получает высокоинфляционную экономику, падение спроса на деньги, дальнейшую эрозию реальных налоговых поступлений государства и затем торможение инфляции на более низком уровне бюджетных доходов. И третий – это проведение либеральных реформ, которые нужны для того, чтобы подвести надежные основания под стабильность рубля, когда государство обещает только то, что может заплатить, когда это подкреплено эффективной системой бюджетного контроля, налоговой системой, системой социальной защиты. Только на этой основе можно обеспечить не хрупкую и краткосрочную, а надежную и устойчивую стабильность рубля.

– Это очень наглядная, во многом узнаваемая, но умозрительная схема того, как мы дошли до жизни такой. А нельзя ли наложить ее на конкретный ход событий, на реалии колебаний в российской социально-экономической политике в последнее время?

– Я не буду говорить о периоде реформ с 1991 по 1996 год – это отдельная история, об этом много сказано и написано. Сконцентрируюсь на том, что происходило после выборов Ельцина на второй срок.

К моменту выборов 1996 года в России сложились основные элементы рыночной экономики: существовал значительный частный сектор, было обеспечено принятие законов, защищающих частную собственность, приняты Гражданский кодекс, законы о ценных бумагах, об акционерных обществах. Была создана открытая экономика с конвертируемой валютой, в основном остановлена инфляция.

Однако финансовая стабильность была хрупкой. Сохранились крупные бюджетные дефициты, финансируемые в основном за счет коротких заимствований на внутреннем рынке. В бюджетном дефиците проявлялось отсутствие согласия элит в том, что финансовая стабильность является важнейшим приоритетом, что ее нельзя ставить под угрозу.

Выборы 1996 года были стратегической развилкой. Приход коммунистов к власти автоматически запускал механизм острейшего финансового кризиса, развертывание которого мы потом, в иных условиях, видели в 1998 году. Накануне президентских выборов я говорил, что в той финансовой ситуации, в которой мы находимся, экономика и рынки отреагируют на избрание Зюганова моментально и отреагируют развалом. После этого немедленно исчезнет возможность рефинансировать долг, неизбежно начнется массовое бегство капиталов, в кратчайшие сроки будут исчерпаны валютные резервы, начнется неудержимое падение курса, резко пойдут вверх цены, а значит, будут попытки заморозить эти цены, в ответ на это – восстановление дефицита, нарушение потоков во внешней торговле, что приведет к кризису снабжения крупных городов, и т.д. и т.п. Короче говоря, сформированная рыночная структура очень хрупка и не в состоянии выдержать прямое попадание коммуниста в президентское кресло.

Выигрыш Ельцина открывал дорогу стабилизации демократического режима, новой волне реформ, росту доверия мировых финансовых рынков к России. Еще предстояло в ходе тяжелой борьбы определить, какой рынок будет построен, будут ли проведены фундаментальные реформы, подведена основа под финансовую стабильность, обеспечено равенство правил игры, решена фундаментальная проблема: отделение собственности от власти и в этой связи достигнута прозрачность государственных процедур, – все это было неясно. Но был шанс на то, что рыночные отношения, частная собственность будут защищены. Именно выигрыш Ельцина давал надежду, что пойдут иностранные инвестиции, власть справится с собственными финансовыми проблемами, удастся заменить дорогие короткие внутренние займы длинными и дешевыми внешними.

– Это надежды. Но вот выборы, на поле которых действуют различные силы. Кто и куда тянет? Кажется, к моменту избирательной кампании было достигнуто некое согласие, ведь действующего ныне президента поддержало тогда большинство. Что произошло с этой коалицией, если ее так можно назвать?

– К выборам 1996 года мы подошли с широкой коалицией сил, которые не хотели прихода коммунистов. В этой коалиции были представлены различные направления от либералов, которые хотели нормальных рыночных институтов, прозрачных равных правил игры, до так называемых олигархов, которые хотели управлять государством, иметь доступ к бюджетным ресурсам, сохранять разнообразные льготы и привилегии. Эта широкая коалиция и обеспечила победу на президентских выборах 1996 года.

Уже летом 1996 года было ясно, что в этой коалиции произойдет раскол по вопросу стратегическому: что делать дальше? Есть путь развития рыночной демократии западного типа – это путь либеральных реформ. Он предполагает, во-первых, финансовую стабилизацию, то есть новые серьезные меры по ограничению бюджетного дефицита, наведению порядка в государственных финансах при помощи налоговой реформы, реформы системы социальной защиты, на этой основе

– преодоление бюджетного кризиса, ликвидацию бюджетных неплатежей за счет того, что государство не будет обещать невыполнимого. Во-вторых, равные правила игры. Налоги будут платить все, а государство перекроет каналы уклонения от уплаты налогов, обеспечит эффективный контроль за использованием бюджетных ресурсов. И есть другой путь – в общество третьего мира с неэффективным коррумпированным государством, где налоги платят только слабые, а сильные – нет и, наоборот, сильным платит государство. Борьба вокруг этой стратегической альтернативы оказалась принципиальной для второго срока президентства Б.Ельцина.

После выигрыша на президентских выборах Б.Ельцин тяжело заболел. Сформированное в августе 1996 года правительство В.Черномырдина оказалось одним из самых слабых российских кабинетов за время реформ. Ему был предоставлен уникальный шанс: только что избран на второй срок президент, признавшая эти выборы оппозиция деморализована своим поражением и поддержала В.Черномырдина подавляющим большинством голосов в Государственной Думе. Существует возможность распустить парламент и провести новые парламентские выборы. Есть карт-бланш на проведение серьезных реформ в России. Возросло доверие к России в мире и к ее рыночным институтам. Россия получает достаточно высокий кредитный рейтинг, отражающий ее потенциал, ее ресурсы. Несмотря на болезнь Ельцина, спрос на российские ценные бумаги высок. Россия впервые выходит на рынок еврооблигаций и на хороших условиях занимает там деньги. Появляется ажиотажный спрос на акции “Газпрома”. Впервые за 80 лет российская компания выходит на Нью-йоркскую фондовую биржу. Рынки отреагировали на избрание Б.Ельцина так, как они должны были отреагировать, – началом роста портфельных и прямых инвестиций в Россию, даже при наличии такого негативного фактора, как болезнь президента. Иными словами, была открыта дорога для развития и закрепления реформ.

– Судя по всему, в середине 1996 года мы имели серьезные шансы встать на путь цивилизованных стран. И что же кабинет Черномырдина?

– Правительство в этот решающий для хода реформ момент показало себя беспомощным. Серьезной законодательной программы реформ в деморализованную Думу не предложено. Кабинет принимает противоречивые решения, продолжает раздавать невыполнимые обещания. Главное крупное дело сформированного правительства – это предоставление государственных гарантий для займов на строительство высокоскоростной магистрали Петербург–Москва – характерная афера того периода. Правительство неспособно выбрать приоритеты, оно представляет в Государственную Думу самый авантюрный бюджет за последние годы. Бюджет, в котором доходы завышены по крайней мере на 5 пунктов ВВП. В ответ на вызов финансового кризиса – разрыв между тем, что ты обещаешь, и тем, что ты реально получишь, – правительство наращивает обещания, твердо зная, что их не выполнить.

Правительство находится под сильным влиянием промышленно-финансовых групп и не предпринимает серьезных действий, чтобы наладить сбор налогов. В 1996-м при исключительно благоприятной конъюнктуре на мировом рынке нефти нефтяные компании накапливают неплатежи по налогам, объясняя, что именно сейчас их невозможно заплатить. Высокие цены на газ – и такая же ситуация с “Газпромом”.

Короче говоря, правительство оказывается слабым, неспособным дать ответ на ключевые вопросы российской жизни. Бюджетный кризис продолжает обостряться. Начинается массовый рост задолженности по пенсиям, зарплатам, приобретающий опасный характер на фоне бездействия, беспомощности власти. Отсюда, естественно, нарастающее разочарование общества, падение авторитета президента и правительства.

– Значит, опять столь знакомая ситуация: успех, эйфория от него, как правило, затяжная, топтание на месте и почти ритуальное ожидание жареного петуха, который прилетит и клюнет?

– Совершенно точно. И как обычно в России, реформы начинаются не тогда, когда есть замечательный политический шанс для их старта, а только тогда, когда

обостряется кризис. Когда ситуация стала трудноуправляемой, оппозиция вновь почувствовала свою силу, именно в это время, накануне весенней (1997 года) волны демонстраций и протестов, начинается радикальный поворот в экономической политике, поворот к новой волне либеральных реформ. ДВР на протяжении предшествующих месяцев энергично выступал за такой поворот. По инициативе Института экономических проблем переходного периода в конце 1996 года была развернута работа над блоком документов, который потом воплотился в президентском послании февраля 1997 года и послужил базой той программы, которую предложило правительство молодых реформаторов.

– И Вас, и сформированное в 1991 году Вами правительство тоже называли и молодым, и реформаторским. Условно назовем этот кабинет, созданный благодаря “рокировке” Чубайс–Немцов, реформаторами второй волны. Так каковы же основные позиции этой программы?

– Основные ориентиры этой программы были либеральными и адресовались к ключевым проблемам российской социально-экономической политики. Это проблема бюджетного кризиса, бюджетных неплатежей, проблема возврата доверия к государству. Собственно программа состояла из набора мер, направленных на обеспечение рационализации государственных расходов с тем, чтобы за ними был обеспечен жесткий контроль, на проведение налоговой реформы, позволяющей перестроить налоговую систему: добиться ее упрощения, снижения предельных ставок налогообложения и расширения налоговой базы. Далее шли структурные реформы, которые необходимы для обеспечения прозрачности естественных монополий, демонополизация тех секторов, которые не являются собственно монополиями, обеспечение эффективного использования средств в этих секторах. Программа также включала реформу системы социальной защиты, жилищно-коммунальной сферы, системы межбюджетных отношений, формирование казначейской системы исполнения бюджета, тендерные механизмы контроля за государственными закупками и т.д. Этот набор предложений был поддержан президентом и составил каркас президентского послания 1997 года, по существу,

представлявшего собой развернутую программу реформ второго срока президентства Б.Ельцина.

Если бы эта программа была реализована, Россия была бы страной с твердыми финансами, со стабильной валютой, страной инвестиционно привлекательной, с эффективными механизмами контроля за расходованием бюджетных средств, с существенно более высоким доверием населения к государству, с простой и разумной налоговой системой и системой адресной социальной защиты, позволяющей действительно бороться с бедностью.

Кабинет молодых реформаторов был призван реализовать именно эту программу.

Правительство молодых реформаторов второй волны было сформировано и начало действовать. Оно оказалось достаточно сильным, профессиональным и неплохо взялось за дело. Буквально в первые сто дней новый кабинет сумел представить в Думу набор важнейших реформаторских документов: проект нового Налогового кодекса, предполагающего радикальную трансформацию налоговой системы, ряд документов по реформе социальной поддержки. Правительство добилось повышения налоговых поступлений, сдвигов в погашении задолженностей по зарплатам и пенсиям (от быстрого наращивания перешло к сокращению этой задолженности), начало, наконец, серьезную работу с естественными монополиями. К тому же в кабинет был включен, наряду с эффективным А.Чубайсом, популярный Б.Немцов – молодой, энергичный региональный лидер. Он – в глазах общества – очевидный кандидат в президенты, наиболее популярный в стране. Соответственно, создается ощущение, что все происходящее в стране – не короткий эпизод, что и после 2000 года этот курс реформ будет продолжен.

А если это так, то можно представить, что, глядя на Россию в это время, думает инвестор. Он думает, что в России сейчас осмысленное правительство, оно проведет налоговую реформу, упорядочит бюджет, наладит защиту частной собственности. А ведь в стране огромный рынок, интеллектуальный потенциал, природные богатства – так, значит, надо сейчас идти в Россию, причем быстро, пока все места не заняты. И именно в это время в Россию идет приток иностранного капитала, российские акции растут быстрее, чем в любой другой стране мира,

форсированно наращиваются резервы Центрального банка, растет спрос на национальные деньги, восстанавливается доверие к рублю. Начинают всерьез обсуждаться и реализовываться крупные инвестиционные проекты, связанные с прямыми инвестициями в фармацевтику, в пищевую промышленность, нефтедобычу. В стране падает уровень социальной напряженности – это показывают все социологические опросы на протяжении весны-лета 1997 года. В основном решена проблема задолженности по пенсиям и зарплатам бюджетников.

Еще не обезврежена бомба замедленного действия, заложенная предшествующей финансовой политикой, – у государства по-прежнему крупный бюджетный дефицит, финансируемый за счет краткосрочных займов. Но пока страна получает приток иностранных инвестиций, есть возможность резко снизить процентную ставку по государственным заимствованиям. К середине лета она снижается в номинальном исчислении до 18%, а реально, учитывая темпы инфляции, до 8–10%. Это уже совместимо с экономическим ростом. Экономический рост начинается через два месяца после начала работы правительства молодых реформаторов, в мае-июне, на фоне оптимизма инвесторов по отношению к России, растущего спроса, низких процентных ставок, заинтересованности банков в кредитовании реального сектора. Основные кирпичики на месте: стабильные цены, стабильный рубль, снизившаяся процентная ставка, разумные экономические перспективы – все готово для устойчивого экономического роста в России.

– По законам драматургии (или по обычным российским канонам), тут-то и должно что-то произойти?

– Как и бывает в России в последние годы. Подчеркиваю, не из-за случайных факторов, а из-за фундаментальной разделенности общества по вопросу о стратегических приоритетах и отсутствия надежной политической поддержки курса. Самая серьезная проблема, борьба вокруг которой обусловила перелом осенью 1997 года, – взаимоотношения собственности и власти.

Все, что начало получаться у правительства реформаторов, получалось потому, что они твердо взяли на вооружение принцип равных правил игры: каким бы ты

влиятельным ни был, тебя заставят платить налоги, у тебя заберут бюджетные счета и ты не будешь прокручивать бюджетные деньги. Правительство организует формирование казначейской системы и усиливает бюджетный контроль. Те, чьи интересы все это задевает, недоумевают – зачем же делать это сейчас, когда все идет хорошо? Ведь именно в это время капитал у промышленно-финансовых групп растет как на дрожжах вместе с ростом спроса на российские акции. Главная проблема, чтобы у конкурента он не вырос быстрее. Постепенно вызревает база того, по существу, поверхностного, конфликта вокруг аукциона по пакету акций Связьинвеста, одного из самых прозрачных и открытых из всех крупных аукционов, которые проводились в России.

– Так уж и самых?..

– Это, кстати, признано всеми его участниками. Но так как на этом аукционе одна из мощных финансово-информационных группировок, контролирующая значительную часть каналов информации и уверенная в своих правах и привилегиях, не получила того, что хотела, с этого момента начинается так называемая “банковская война”. Именно с этого времени ряд крупных финансово-промышленных групп, руководители которых твердо уверены в своих правах на особые привилегии, убежденные в том, что собственность и власть должны быть переплетены, объявляют войну новому правительству реформ. Они очень быстро находят взаимопонимание с парламентской оппозицией, которая уже оправилась от поражения и готова к новой атаке.

– А казалось, что будущее так прекрасно и впереди столько хорошего... Получается, что олигархи, возвращенные реформами, оказались перебежчиками на сторону коммунистов, которые еще недавно были врагами?

– У них нет постоянных союзников – только постоянные интересы. Собственно, с этого времени российские реформы начинают терять перспективы. Становится особенно ясно, сколь во многом успех российской стратегии постсоциалистической

трансформации зависит от президента. Он главный гарант того, что у нас будут проводиться реформы в условиях отсутствия мощной парламентской их поддержки. А президент колеблется, ведь вся эта борьба происходит в рамках коалиции, которая привела его к победе на выборах 1996 года. Надо мириться, надо жить дружно, вместе... И вместо того, чтобы в этот момент твердо и энергично поддержать правительство молодых реформаторов, заявить, что этот курс будет реализован, и не просто сказать, а доказать сказанное действием, он занимает позицию беспристрастного арбитра, желающего примирить непримиримое.

Эти события происходят в тот момент, когда в российской демократической жизни еще многое не устоялось: и новое правительство, и рыночные механизмы – это еще не отлаженная машина (для этого нужны десятилетия), а живой, растущий, развивающийся, на все реагирующий организм. В действиях кабинета теряется наступательная энергия. Возникает ощущение растущей разделенности, слабости правительства. Встает вопрос, а так ли оно привержено той программе рыночных реформ, которую само же прокламировало? А будут ли у тех, кто провозгласил эту программу, силы заставить мощные финансово-промышленные группы отдать бюджетные деньги, платить налоги? В это время и оценки Запада, мировых инвесторов, по отношению к России становятся менее радужными. Они не видят гарантий того, что программа, которая была предложена правительством, будет реализована, что правительство не будет отправлено в отставку. К тому же развернута энергичная, мощнейшая кампания по дискредитации Б.Немцова. Это приводит к резкому падению его рейтинга, и шанс на избрание реформаторского президента на последующих выборах становится призрачным. Вот тут и задумывается зарубежный потенциальный инвестор: а так ли прекрасны перспективы у России, не начнется ли снова откат от курса реформ? В этот самый момент все вспоминают о том, что базовые проблемы – та бомба замедленного действия – никуда не делись: и короткие долги, и бюджетный дефицит...

В августе-октябре 1997 года ситуация зависает. Что будет – неясно. Неопределенность отражается в налоговых поступлениях: правительство ослабло – налоговые поступления уменьшились. Еще не все потеряно, еще можно поправить положение, но реформы уже явно забуксовали.

Этап реформаторского правительства условно можно определить как время между формированием его в марте 1997 года и началом финансового кризиса и кадровыми перестановками в его составе в ноябре этого же года. Этот этап распадается, в свою очередь, на два периода. Первый из них – в марте-июле – это период натиска, период уверенности: кажется, что все хорошо. И второй – это период отступлений, нерешительности, колебаний. Он приходится на время между августом и ноябрем.

Ноябрь 1997 года. На все это накладывается мировой финансовый кризис, радикально меняющий обстановку, вызывающий общее изъятие капиталов с развивающихся рынков. Какое влияние оказывает он на Россию? У страны есть нерешенные финансовые проблемы, причем крупные; у нее есть накопленный бюджетный дефицит; короткий долг; большие деньги вложены в ГКО, и изъятие их инвесторами – это серьезное напряжение для российской бюджетной системы. Тем не менее, по отношению к России мировые рынки и после начала кризиса настроены благоприятно. Россия пока еще – на фоне эйфории от начавшихся либеральных реформ – по-прежнему рассматривается как страна с огромными перспективами. Может быть, произойдет небольшая корректировка, часть денег будет изъята, но у страны достаточно крупные валютные резервы, накопленные в предшествующие месяцы 1997 года, большой потенциал. И хотя ясно, что будут некоторые перетряски, что придется повышать процентную ставку, что это затормозит экономический подъем, – катастрофы, краха почти никто не опасается.

Первая реакция на кризис – из двух стран со сходными бюджетными проблемами, России и Бразилии, по последней он бьет гораздо сильнее, чем по первой.

Затем на это накладываются радикальные изменения в российском правительстве – так называемое “книжное дело”. Не хочу входить в детали – они известны. Но в результате не стоящего, на мой взгляд, выеденного яйца, хорошо разыгрываемого скандала, раскрученного вокруг книжки, деньги от которой идут в благотворительный фонд, олигархам удается добиться серьезнейшего ослабления позиций реформаторов в правительстве. А.Чубайс лишается поста министра финансов, что существенно ослабляет финансовую политику; уходят из

правительства М.Бойко и П.Мостовой, уходит из администрации президента А.Казаков. Все это создает ощущение радикального ослабления позиций реформаторов в правительстве, сомнений в их способности реализовать прокламированную весной программу.

– И, как всегда в России, происходит это ослабление в самый, что называется, неблагоприятный момент – тогда, когда в мире разразился финансовый кризис.

– Да, все это на фоне финансового кризиса. Первоначально рынки считали, что все будет в России хорошо, исходя из того, что есть разумное правительство, которое понимает положение вещей и ведет разумную политику.

– И тут выясняется...

– Выясняется, что это другое правительство. Неясно, будет оно теперь что-нибудь делать или не будет. Политическая победа так называемых олигархов над теми, кто хотел заставить их платить налоги и отдавать деньги, очевидна. Теперь Россия, с точки зрения реальных и потенциальных инвесторов, оказывается не страной с блестящими перспективами, проводящей разумную политику и находящейся в начале экономического подъема. Россия оказывается в их глазах страной, где линия власти непонятна и прогнозируется трудно, где только что произошло радикальное перераспределение сил, влияющих на экономическую политику. Шансы на реализацию либеральных реформ призрачны. Первое, что мы видим после изменений в правительстве: Дума, по предложению Г. Явлинского, возвращает в Кабинет уже принятый в первом чтении Налоговый кодекс. А Налоговый кодекс является одним из важнейших элементов базы, которая лежит в основе оптимизма инвесторов по поводу того, что будет происходить в России. Они получают сигнал, что о намеченных структурных реформах следует забыть.

Реакция инвесторов: из России надо срочно забирать деньги, пока успеешь. Именно в это время наступает переломный момент. Как раз после ноябрьских перемен в правительстве начинается быстрое сокращение золотовалютных резервов страны. 14 ноября, выступая в программе «Зеркало», я рассказывал, к каким

последствиям приведет уход Чубайса с поста министра финансов. Чубайс – это символ той политики, которая вызывает доверие зарубежных инвесторов. При Чубайсе для них было понятно, какую экономическую политику проводит и намерена проводить страна, и уход его с поста министра финансов неизбежно приведет к изъятию многими денег с российских рынков, к мощному давлению на резервы, к началу кризиса российских ГКО, к резкому падению курса акций и т.д. и в этой связи – к тяжелейшим последствиям для рыночной экономики.

К сожалению, такое развитие событий мы и наблюдали на протяжении последующих дней. Все это радикально изменило финансовую ситуацию. Надо было к ней приспособливаться, и Центральному банку следовало немедленно снова поднимать учетную процентную ставку и процентную ставку по ГКО. До середины ноября ЦБ пытался удержать ситуацию на двух важнейших рынках – рынке валюты и рынке ГКО. После того как произошли упомянутые изменения в правительстве, продолжение этой политики безнадежно. Она ведет лишь к утрате резервов. Но, с другой стороны, сразу показать, как рынок отреагировал на изменения в правительстве, – плохо. Поэтому ЦБ две недели продолжал безнадежные попытки держать оба рынка. С.Доренко рассказывает с экрана, как провалились прогнозы о том, что рынок тяжело отреагирует на уход Чубайса, – и только через две недели, потратив несколько миллиардов долларов резервов и радикально ухудшив соотношение между резервами и коротким долгом (что потом стало важнейшим фактором дестабилизации положения в России в 1998 году), только после этого Центробанк уходит с рынка ГКО.

Начинается новый этап в российской экономической политике – этап борьбы с подступающим кризисом. Ясно, что как только номинальные процентные ставки подскочили до 35–40%, об экономическом росте надо забыть. Начинается отток денег с российского рынка акций. Инвесторы с подозрением ожидают, что здесь будет происходить, потому что вырисовываются гораздо более мрачные перспективы, нежели те, под которые давали деньги. Значит, деньги нужно с рынка забрать. Ослабленные реформаторы в правительстве пытаются восстановить контроль, продолжать ту линию, с которой они в свое время шли в правительство. В начале декабря А.Чубайс принимает демонстративное решение, показывающее,

что курс неизменен, – об изъятии за долги имущества двух крупнейших финансово-промышленных групп: Ангарского нефтехимического комбината, принадлежащего ОНЭКСИМбанку, и Омского нефтеперерабатывающего завода, принадлежащего “Сибнефти”. Через неделю В. Черномырдин проводит заседание ВЧК, где отменяет это решение, – это тоже демонстрация. Всему миру показывают, что происходит в российской власти; демонстрируется, что никаких налогов богатые и сильные платить не будут, а платить будут только слабые и глупые. Подан мощнейший сигнал, что налоговые платежи – это удел простолюдинов. Нормальному гражданину этот сигнал говорит о том, что государство у нас слабое и неэффективное.

С большим трудом, на основе технических ухищрений и разумных действий правительства и Центрального банка удается справиться с новой волной финансового кризиса конца января, когда резко падает спрос на российские бумаги. Тем не менее, всем очевидно, что правительство разделено, слабо, не способно проводить последовательную политику. Экономика адекватно реагирует на эти изменения начавшимся ростом бюджетной задолженности. Только к началу января закрыли задолженности по пенсиям и зарплатам бюджетников. Но фундаментальная проблема разрыва между доходами бюджета и его расходами не решена, более того, все те реформы, которые необходимы для ее решения, отодвинуты в сторону. Бюджетный кризис снова начинает обостряться. Пройдя 1997 год – год огромных перепадов от оптимизма и начинающегося российского подъема до разочарования осени, Россия оказывается в точке, близкой к той, в которой она была в феврале 1997 года: беспомощное правительство, не имеющее понятной экономической линии (речь идет не о декларациях, а о конкретных действиях в бюджетной, финансовой, налоговой сферах); нарастающие неплатежи; растущее недовольство населения. Короче говоря, пришли туда, откуда уходили.

– И в это время президент неожиданно отправляет Черномырдина в отставку.

– Этот ход не стал для меня неожиданным, потому что у меня было ощущение, что Б.Ельцин недоволен работой правительства, он видит, как оно буксует и работать эффективно не способно, как нарастают проблемы. Я считал, что он предпримет действия, направленные на изменение состава кабинета.

Президент отправляет в отставку правительство В.Черномырдина и назначает молодого технократа С.Кириенко исполняющим обязанности премьера, затем представляет его кандидатуру в Думу. Вопрос, почему выбор пал на С.Кириенко, следует адресовать в первую очередь Ельцину, но я предполагаю, у президента было желание поставить человека молодого, энергичного, неглупого, ни с кем не связанного, который не был бы обременен ни грузом ответственности за предшествующее, ни грузом прошлых конфликтов; который ни с кем не успел поссориться; которого может принять Дума, хотя бы под давлением и с третьего раза; с которым все будут работать.

С.Кириенко утвержден, сформировано правительство – неплохое, свободное от серьезного влияния финансово-промышленных групп, энергичное и не разделенное внутри себя. Правительство снова поднимает знамена программы весны 1997 года. Оно приступает к активным действиям, в том числе по усилению контроля за бюджетными расходами; попадают под прессинг крупные должники бюджета.

Правительство это, правда, имеет структурную слабость: в нем нет очевидного лидера в области финансово-экономической политики, который был бы адекватной заменой А.Чубайсу. Много разумных, энергичных людей, человека же, способного быть лидером собственно финансово-экономической политики, в новом кабинете не оказывается.

А это накладывается на два обстоятельства. Первое: правительство, сформированное без участия финансово-промышленных групп и не связанное с ними, намеренное соблюдать равные для всех правила игры, с самого начала оказывается в институциональном конфликте – оно лишено поддержки этой достаточно мощной и влиятельной группы. Второе: оно не имеет парламентской поддержки. Да, оно квалифицированное, компетентное, но политически слабое, целиком зависит от поддержки президента. Между тем, последний год показал нам, что эта поддержка, сколько бы раз ни была она декларирована, увы, ненадежна.

И вот такой кабинет – технократический, имеющий хорошую программу, но политически слабый – сталкивается со следующей мощной волной мирового финансового кризиса.

В 1997 году, когда выяснилось, что Россия способна занимать деньги под низкие проценты, большинству инвесторов казалось, что российские финансовые перспективы недурны: по всем международным стандартам российский долг отнюдь не высок. При условии, что в России проводится ответственная финансовая политика, короткий и дорогой долг можно трансформировать в длинный и дешевый. Теперь же, когда российские перспективы гораздо более призрачны, валютных резервов недостаточно, происходит падение цены на нефть, снижающее, в свою очередь, поступления в бюджет и внушающее дополнительное беспокойство инвесторам, вновь становится ясно, что этот короткий и дорогой долг – мина, способная взорваться в любой момент.

Правительству С.Кириенко, которое оказалось в такой ситуации, можно было искренне посочувствовать: ведь оно пыталось действовать в целом правильно в условиях, когда мина не только заложена, но и фитиль уже запылен.

– Означает ли это, что кабинет Кириенко действовал безошибочно?

– Технические ошибки были. Медленно отреагировали на кризис в мае, долго не могли понять то, что, собственно, надвигается. Не начали действовать достаточно энергично в первую же неделю, 12 мая. Медлили до 17 мая, да и потом раскачивались, не видели масштаба угрозы, не понимая того, как быстро все это взорвется. В чем угроза при кризисах подобного типа? Потребность в финансовых ресурсах, необходимых для восстановления доверия рынка, растет в геометрической прогрессии: сегодня нужно для этой цели 5 млрд, завтра нужно будет уже 10, послезавтра 20, а послепослезавтра и 40 не помогут.

В конце мая приступили к консультациям с МВФ, принципиальные договоренности о новом крупном пакете финансовой поддержки были достигнуты А.Чубайсом в Вашингтоне. Решена, казалось, одна из фундаментальных проблем: МВФ готов выделить нам крупный пакет финансовой помощи. Однако

правительство, получив эту информацию, опять медлит, топчется на месте, в течение трех недель просто теряет время. Между тем, если бы быстро и энергично была проведена операция по получению кредита в 10 млрд долларов – не в 22 миллиарда, обращаю ваше внимание, а в 10, если бы такую операцию осуществили в середине июня, а не 20 июля, то все шансы стабилизировать ситуацию в России имелись. Они были упущены.

Можно найти немало – не хочу входить сейчас в детали – технических просчетов, связанных со слабостью финансово-экономического блока. А в условиях острейшего финансового кризиса цена маленькой ошибки в выборе направления может быть равносильна катастрофе.

– И при этом Вы считаете действия кабинета Кириенко в целом правильными?

– В целом правительство, повторю, действовало правильно. Просто зависело от него далеко не все. Главное, что правительству не удалось завоевать доверие инвесторов. Ну да, размышляли они, хорошее правительство, и программу предлагает хорошую, однако где гарантии, что предложенная ими программа будет выполнена? Дума-то не приняла ничего важного из того, что было в пакете антикризисных мероприятий. Приняла что-то второстепенное, но вот все законы, которые должны были увеличить поступления в федеральный бюджет, она не приняла и никогда не примет. А если нет адекватной правовой базы, все решения кабинета, принятые в целях пополнения бюджета, малоэффективны. Так где гарантии, что появится законодательная база под все, что обещает сделать правительство? Ведь убедить надо не одного человека в МВФ – надо убедить рынки, что без серьезной политической поддержки возможно сохранение стабильности национальной финансовой системы. А в это время российская Дума демонстрирует, что стабильность рубля ей не нужна, более того – и кредиты МВФ она отдавать не собирается, эта тема в стенах Думы активно обсуждается.

Политическая слабость правительства, отсутствие мощной политической поддержки, неверие в его способность сохранить и спасти рыночные механизмы в

условиях кризиса – это и стало важнейшим детонатором того, что произошло в начале и середине августа: 22 миллиардов долларов, о предоставлении которых России объявили МВФ и Мировой банк, оказалось недостаточно, чтобы радикально изменить ситуацию на рынке. Между тем, рынок обладает способностью подтверждать собственные прогнозы. Если инвесторы в страну не верят, то уходят с рынка, уходят с рынка – значит, государство не сможет обслуживать короткий долг. Даже если оно перестает платить кому бы то ни было, кроме кредиторов, все равно невозможно финансировать короткий долг из текущих поступлений. А как только становится ясно, что государство не может обслуживать внутренний долг, ситуация становится неконтролируемой.

– И это обусловило те решения, которые правительство и Центральный банк приняли 15–16 августа?

– Да. Теперь по поводу этих решений. Собственно, с чем столкнулось правительство по состоянию на 14–15 августа? Рынок не верит Российскому государству, котировки российских валютных ценных бумаг быстро падают, российские крупные банки, взявшие под залог этих бумаг кредиты, должны поставлять дополнительные средства в обеспечение залога – с каждым падением цен все больше и больше. Они сталкиваются с неразрешимыми проблемами и начинают сбрасывать крупные портфели самих валютнономинарованных бумаг, соответственно обваливая рынок и заставляя другие банки выполнять нарастающие лавинообразно обязательства. Они вынуждены продавать свои ГКО по любой цене, предъявлять спрос на валюту, чтобы направлять ее на обеспечение собственных займов... Мощный сброс ГКО, масштабный спрос на валюту, резервы Центрального банка тают с каждым днем – вопрос в том, когда правительство и ЦБ объявят, что они полностью потратили все, что заняли у МВФ в июле, и это окончательно обвалит рынок.

Можно пытаться на некоторое время продлить агонию, еще 5–7 дней, но дальше ликвидные резервы будут равны нулю. По существу, это финансовая катастрофа. Это то, что правительство пыталось предотвратить в предшествующие

месяцы, страшный удар по доверию к России, по стабильности всех рыночных институтов. 15 августа стало ясно, что кризис неминуем, заложенная при В.Черномырдине усилиями думского большинства бомба короткого долга взорвется, и взорвется с тяжелейшими финансово-экономическими последствиями. Руководство правительства и Центрального банка вместе с Международным валютным фондом начало активно обсуждать, что же делать в этой ситуации.

Еще раз подчеркиваю: катастрофа произошла, бомба взорвалась, финансовая система разнесена вдребезги. Никаких хороших вариантов в принципе не существует, существуют плохие и отвратительные. Девальвировать рубль, отпустить его в свободное плавание и при этом за счет эмиссии финансировать ГКО? У этого сценария жестко заданные последствия. После того как вы отпускаете рубль, становится ясно, что это тяжелейший удар по инвесторам. Вам предстоит погашать примерно 20–30 млрд рублей обязательств по ГКО в месяц. Погашать их из текущих поступлений в принципе невозможно: налоги приносят вам примерно 12–13 млрд рублей в месяц, доходы от таможни еще 7–8 млрд. Имея ежемесячно 20 млрд поступлений, вносить 20–30 млрд – не решаемая задача. Если вы намерены полностью рассчитываться по обязательствам, то должны прийти к эмиссионному финансированию – печатать деньги и этими фантиками как бы рассчитываться с инвесторами. Естественно, все, что государство будет им платить в условиях пляски курса, будет моментально обесцениваться, и, скорее всего, ничего не будет стоить к тому времени, когда вы заплатите. Вы входите в режим экстремально высокой инфляции, ее обеспечат сочетание быстрого наращивания денежной массы, осознание рынком того, как вы дальше будете эмитировать деньги, и высоких инфляционных ожиданий, порождаемых форсированной девальвацией. Плюс ко всему при этой политике – резкое падение реального курса рубля и очевидная невозможность обслуживать внешний долг.

– *Существует ли альтернатива?*

– Альтернатива, выбранная в этой ситуации правительством и Центральным банком, на мой взгляд, была разумна. В чем она заключается? Отпустить курс

(провести девальвацию в той или иной форме), провести реструктурирование внутреннего долга, ввести временный мораторий на обслуживание российскими банками своих обязательств, на этой базе избежать крупномасштабной эмиссии, дать возможность выйти на новый уровень курса, вступить в переговоры с кредиторами об условиях обслуживания долга и попытаться выйти из этого кризиса с тяжелыми, но все же меньшими потерями.

О вариантах, которые в это время обсуждались, и технических ошибках, сделанных правительством в процессе принятия решений. Первое и, с моей точки зрения, главное: решение выйти из коридора с верхней границей в 7 рублей 10 копеек, которая должна была соблюдаться в течение трех лет, в новый коридор с границами от 6,5 до 9,5 рубля – это, на мой взгляд, худшее из возможных решений. Меньшим злом был бы выход в режим плавающего курса без каких бы то ни было ограничений, потому что ясно, что Центральный банк, будучи связан новым коридором и не имея возможности защитить его всерьез, растратит резервы и потом вынужден будет все равно отпустить рубль. Убежден, что лучшим решением была бы немедленная радикальная – примерно двукратная – девальвация, но после этого выход в режим фиксированного курса рубля по отношению к доллару на уровне, позволяющем подкрепить денежную базу валютными резервами.

– И тогда резервов хватило бы?

– Да, тогда резервов хватило бы. Если бы с 6,2 рубля за доллар – это курс на 14 августа – мы сразу вышли на курс 12 рублей за доллар, то у нас вся денежная база подкреплялась бы валютными резервами. После этого очевидным становилось, что игра против рубля хотя и возможна, но абсолютно бессмысленна, бесперспективна: рубль вышел на новый уровень поддержки, очень высокий – да, с очень серьезным ударом по всем пропорциям, но он устойчив и не возникает хаоса – постоянно прыгающего на десятки процентов вверх и вниз курса, делающего невозможными импорт, любые контракты, расчеты и т.д. Экономика может приспособиться к этой новой реальности. Да, мы получаем удорожание импортных товаров, но вместе с

этим отечественный товаропроизводитель обретает более широкие возможности для конкуренции. Решение неприятное, но оно дает первую точку стабильности.

Этот вариант обсуждался, против него не было выдвинуто серьезных экономических аргументов. В основном аргументы были политического характера: Ельцин только что заявил, что девальвации не будет, поэтому любая прямая девальвация крайне нежелательна. Это первая техническая ошибка. Вторая техническая ошибка – обязательный характер моратория. Я понимаю основания, по которым можно было вводить мягкий контроль за движением капитала на это время и давать российским банкам, не имеющим средств для расчетов с кредиторами, передышку с тем, чтобы они образовали консорциум и начали переговоры. Но у нас было два типа банков. Были, еще до решений 17 августа, откровенные банкроты. Собственно, из-за их банкротства развитие событий в предшествующую неделю стало столь стремительным. И были банки, которые выполняли свои обязательства и были готовы делать это в дальнейшем. Долго дискутировали о том, надо ли делать этот мораторий добровольным или принудительным. Мое мнение и мнение моих единомышленников – сделать его добровольным. Мнение, которое учитывало интересы в первую очередь банков-банкротов, состояло в том, что мораторий следует сделать принудительным. В конце концов правительство и Центральный банк приняли именно это решение. Третьей технической ошибкой был выбранный в окончательном варианте механизм реструктуризации ГКО. Схема, предложенная первоначально, была принципиально иной. Она предусматривала два разных режима – для резидентов и нерезидентов. Что касается резидентов, то предполагалось, что 20% стоимости ценной бумаги гасятся в срок ее погашения, 20% – в течение следующих 4 лет, причем по оставшейся сумме выплачиваются проценты: 30% в первый год, 25% – второй год, 20% – третий, 15% – четвертый. Для нерезидентов предполагался обмен этих бумаг на номинированные в валюте облигации с погашением на пятый, шестой и седьмой годы при доходности 6,25%.

Эта несимметричная схема учитывала разные заботы двух типов кредиторов государства.

Для отечественных кредиторов она означала, что принадлежащие им ценные бумаги получают ликвидность. Ликвидность сразу: в размере 20% – это примерно

то, что необходимо для того, чтобы поддержать банковскую систему на плаву в этих условиях. И плюс к тому вы получаете приличные процентные доходы в течение четырех лет. Конечно, всякое реструктурирование отвратительно, но главное – ценная бумага у вас в руках не является бессмысленной, спрос на нее появится на второй день после того, как она объявляется реструктурированной.

Нерезиденты получают то, что всего важнее им: гарантии валютной сохранности основной суммы задолженности. Да, под низкие проценты, но есть серьезные шансы, что деньги будут сохранены.

Сейчас, при обсуждении этого вопроса и с отечественными, и с зарубежными инвесторами, все сходятся на том, что, конечно, эта схема намного лучше того, что получилось в конечном итоге. Но тогда правительство втянулось в сложный торг с резидентами и нерезидентами. Из этого торга ничего хорошего выйти не могло, в результате принятая схема не позволяет нерезидентам сохранить валютный номинал бумаги, отечественным инвесторам эта схема не позволяет получить для их бумаг ликвидность – короче говоря, она оказалась худшей из возможных.

Однако при всех этих серьезных технических издержках ситуация по состоянию на 21–22 августа хотя и оставалась очень сложной, отнюдь не смотрелась как катастрофическая. Напомню, что 17 августа МВФ в своем заявлении, по существу, солидаризировался с мерами, принятыми в России, оказал поддержку правительству и Центробанку, тем самым открыв дорогу к получению нового транша выделенного нам займа.

Каким было тогда настроение инвесторов? Да, в России принято неприятнейшее решение, нанесен тяжелейший удар по доверию рынков. Но так или иначе, проблема бюджета расчищена на ближайшее время, значит, есть возможности финансирования текущих расходов, дорога к получению второго транша кредита МВФ не закрыта. Бурной денежная эмиссия не будет, значит, не будет быстрого форсированного падения курса рубля, неконтролируемого разгона инфляции. Неприятно, но самое сложное и самое неприятное как будто уже позади. Ясно было, что технические ошибки надо поправить; в режим фиксированного курса – с какими-то потерями из-за того, что не сделали это сразу – можно войти.

Радикальные изменения произошли со сменой премьера 23 августа. В ходе сложнейшего маневра, когда все зависит от согласованности действий Центрального банка и правительства, когда участники этого процесса вовлечены в труднейшие переговоры, – меняется правительство, начинается длинный период политической нестабильности. Непонятно, что будет представлять собой новое правительство; непонятно, из кого оно будет состоять, непонятно, что оно будет делать. Ничего непонятно.

– Непонятно и то, почему все так случилось. Ведь происшедшее 23 августа невыгодно ни самому правительству Кириенко, ни тем, кто стоит в оппозиции к нему. С точки зрения оппозиции – если последняя руководствуется нормальной логикой, – правительству Кириенко следовало бы завершить начатое, испить свою чашу до конца.

– Если бы основные мотивы принятых решений были чисто политическими, то самое разумное, конечно, оставить правительство С.Кириенко – по крайней мере, на следующие два месяца, чтобы оно со всем этим разобралось, завершило начатый процесс.

Но, на мой взгляд, роль сыграли здесь другие мотивы. Правительство Кириенко категорически не нравилось так называемым олигархам: чужое, не уважает, денег не дает и т.д. Какой замечательный момент для того, чтобы его заменить. Кто-то же должен за финансовый кризис отвечать? Кто? Правительство С.Кириенко. Самое сложное, как кажется в этот момент олигархам, позади: ведь кабинет самое неприятное уже сделал, теперь все пойдет легче. Ставится лояльный премьер, который за пять месяцев понял, с какой стороны у бутерброда масло и кто настоящий начальник... И когда в ходе финансового кризиса будет решаться, какие банки выживут, а какие нет, кто получит сейчас деньги, а кто не получит, у кого будут брать налоги, а у кого не будут, новый старый премьер будет делать строго то, что ему скажут.

На мой взгляд, именно этот важнейший фактор, проложил дорогу решению, принятому 23 августа и радикально изменившему экономическую и политическую ситуацию.

А дальше все понятно: новый премьер, соответственно, неизбежное заигрывание с оппозицией, риторика, которая не может вызвать на рынке ничего, кроме паники: что еще могут породить заявления о том, что правительство собирается напечатать деньги и со всеми расплатиться? Рынок реагирует на все это адекватно, и начинается мощное давление на курс рубля. Именно после этого Центральный банк приостанавливает торги, исчезает валютный рынок, курс доллара начинает свой неконтролируемый рост, исчезают товары из магазинов, идет стремительный разгон инфляции. И на этом фоне – все более агрессивное думское большинство, которому неожиданно на блюдечке передали власть, на которую оно и не надеялось. Осуществляется все более агрессивный нажим на правительство, именно в этой ситуации происходит отставка председателя Центробанка. Мы оказываемся без правительства, без Центрального банка, без отношений с Международным валютным фондом.

То есть тот маневр, который был предпринят 17 августа, – очень опасный, но дававший какие-то шансы на выход – оканчивается политической, а поэтому экономической и финансовой катастрофой. Что в этой ситуации делать? Если иметь в виду аспект чисто экономический, то ответ абсолютно понятен: нет ни одной точки в этой траектории, где ситуация становится полностью неуправляемой. В каждой точке есть набор экономически осмысленных мер, позволяющих пусть с издержками, не немедленно, однако, стабилизировать ситуацию.

Но политически все это далеко за гранью того, к чему идет дело. Расшатав финансовую систему и приготовив финансовый кризис, парламентское большинство оказывается бенефициарием, оно получает от этого кризиса главную выгоду. Именно оно теперь играет решающую роль в формировании правительства; именно его программные установки оказываются начертанными на знаменах нового кабинета Е.Примакова, экономический лидер парламентского большинства Ю.Маслюков становится первым вице-премьером.

– Плюс ко всему одержана победа над президентом.

– Да, серьезная победа.

– Получается, что за каждым шагом в сторону реформ непременно следуют два шага назад. В начале нашей беседы Вы говорили: для уверенного движения вперед нужно согласие элит. У нас согласия элит нет и пока не предвидится. Так что же делать в такой ситуации, если чисто экономически ее не разрешишь?

– Я все-таки сказал бы чуть-чуть по-другому. Все-таки скорее два шага вперед – шаг назад. Возьмем одну точку: 1991 год, осень. Возьмем вторую точку: сегодняшний день. Да, ситуация сегодня тяжелая, но она легче, чем была в 91-м году. За это время рыночные институты выстроены, обретены рыночные навыки. Главная беда 1992 года состояла в том, что он начинался в обществе, которое вообще не имело рыночного опыта. Не имело на протяжении трех поколений. Люди не понимали: как это так – конвертируемый рубль? Как это так – на прилавках все мыслимые товары, я прихожу, плачу деньги и забираю то, что мне нужно, разве так бывает? Не понимали, что такое вексель, что такое форвард, что такое контракт, как его выполнять. Не было огромного числа людей с рыночным знанием; не было институтов, навыков, традиций и т.д. Не было на протяжении десятилетий. Сейчас при всех издержках, даже если рыночные институты будут радикально подорваны, – в стране миллионы, десятки миллионов людей с рыночным опытом и рыночным знанием, а это предельно важно с точки зрения продолжительной перспективы. Сейчас не надо будет тратить такое количество времени для того, чтобы вырастить плеяду из сотен тысяч молодых людей, которые умеют работать в условиях рынка, знают, как это делается, имеют международные связи, говорят на иностранных языках, пользуются Интернетом, живут в открытом мире. Не надо будет так долго прививать навыки, связанные с рыночными институтами. И этот опыт, по моему глубокому убеждению, непременно будет востребован.

Сейчас у нас будет серьезный откат назад. Этот откат назад явится попыткой реализации альтернативы либеральной экономической политике –

последовательного пути в третий мир. Подобная попытка не понравится очень большой части общества. Я убежден, что после нее число энтузиастов поиска третьего пути заметно сократится и в обществе в целом, и в элитах. Проблема останется: серьезная разделенность России. Но в следующей итерации влияние, сила, потенциал тех, кто хочет видеть Россию европейской страной, станут куда ощутимее.

– Зная Вашу нелюбовь к прогнозам, решусь все же спросить: что будет происходить, допустим, с курсом доллара? Андерс Ослунд из Фонда Карнеги сказал, что доллар будет стоить многие сотни рублей уже к концу этого года.

– Все зависит от того, насколько ретиво правительство возьмется за реализацию программы тех политических сил, которые его поддерживали. Если оно станет энергично печатать деньги, решит осуществлять, скажем, программу академиков, то курс доллара будет измеряться не сотнями рублей – черный курс будет измеряться числами с большим количеством нулей, а официальный будет фиксированным и, может, будет измеряться хоть шестьдесятю копейками. Другое дело, что фиксированный курс не будет иметь ни к чему никакого отношения. Если правительство будет осторожным, испугавшись последствий, будет действовать более сдержанно, разгон инфляции будет медленным.

Надо понять, как выглядит реальная развилка. Есть накопленные серьезные финансовые проблемы, обусловленные разрывом между государственными обязательствами и уровнем доходов государства. Первая стратегия – делать примерно то же, что делало правительство С.Кириенко. То есть резко ограничивать обязательства, принимать жесткий бюджет, оказывать давление на налогоплательщиков; иметь бюджет с крупным первичным профицитом, постепенно снижать объем задолженности. Второй вариант: печатать деньги, раздавать их всем. Третий вариант: ничего не делать. При этом продолжает накапливаться задолженность, контролировать ее будет гораздо труднее, чем предшествующему правительству, она будет нарастать быстрее, и те же самые политические силы, которые поставили новый кабинет, будут все настойчивее

говорить: что вы делаете, вы же теперь отвечаете за все, надо срочно печатать деньги...

В то, что это правительство сумеет выработать и реализовать курс либеральных реформ, я не верю. Того, что оно сможет некоторое время ничего не делать, исключить не могу. Новый кабинет может неделю, две, три, четыре, пять стоять с закрытыми глазами, что-то говорить и ничего не делать – на фоне накапливающихся проблем и обостряющейся ситуации. Но потом неизбежно примет решение пойти по второму пути. Тогда разгон инфляции, выход ее из-под контроля, развал рыночных механизмов будут растянуты во времени. Это не то, что случится на протяжении следующих шести-восьми недель, а то, что произойдет в течение трех-шести месяцев.

– *Что станет с банковской системой?*

– Два разных вопроса: что надо делать и что будут делать? Что надо делать, понятно: открывать финансовый рынок для международных банков, привлекать их к санации российских банков, продавать банки, имеющие крупную филиальную сеть и большие долги, не в интересах собственников, а в интересах вкладчиков – продавать пусть за рубль, но тому, кто обеспечит лучшие условия, гарантии малым и средним вкладчикам. Это бы способствовало росту конкуренции, повышению качества банковских услуг, надежности банковской системы, усилению доверия к ней. Потому что население наше охотнее поверит сейчас гарантиям известного американского банка “Чейз Манхэттен”, чем гарантиям российского правительства. Мне неприятно об этом говорить, тем не менее, факт остается фактом. Приход в нашу страну зарубежных банков означал бы также гораздо более жесткие стандарты для российских банков. Хочешь работать на этом рынке – работай как профессионал.

Это, повторю, то, что надо делать. Однако делаться будет прямо противоположное. Думаю, что будет комбинация национализации при плохом управлении национализированными банками и закачке денег.

– *Безработица?*

– Очень серьезная, с быстрым ростом. Причем безработица на этот раз будет носить не формальный, а реальный характер. У нас значительная часть проблем была представлена раньше в кривом зеркале: крупные неплатежи по зарплате и вместе с тем большая часть людей, которая денег формально не получала, в своих неплатежеспособных конторах не работала, а давно перебазировалась в коммерческий сектор, получая в нем совсем неплохие деньги – 200–600 долларов.

А сейчас безработица станет реальной, люди теряют настоящую работу, за которую им платили реальные и часто неплохие деньги. Безработица охватит прежде всего молодые, активные и квалифицированные группы населения – развитие событий нанесет тяжелейший удар по сотням тысяч молодых людей в крупнейших городах.

– *Что будет с товарными потоками, со снабжением городов?*

– Все зависит от скорости развала денежного обращения. В условиях нормального работающего рынка бывают проблемы высоких цен, но не бывает проблем снабжения городов. Проблема снабжения городов при рынке проявляется, когда развалена денежная система. Поэтому в индустриализованной экономике проблема недостатка продуктов питания, как правило, это не проблема урожая, а признак паралича системы экономических связей. Чем гиперинфляция отличается от просто высокой инфляции? Скажем, в 1992 году у нас была высокая инфляция. Это было очень неприятно, но при этом рубль был введен в оборот и за рубль можно было все купить. Как в него ни не верили, как ни предсказывали, что это невозможно – рубль, дескать, “деревянный”, тем не менее, за рубль можно было купить все, причем и в розницу, и в оптовой торговле. Гиперинфляция – это другое состояние. Это состояние, когда на рубль уже многого нельзя купить. Он настолько быстро обесценивается, выводится из оборота, что есть масса вещей, которые бессмысленно продавать за рубли. Лучше держать набор ресурсов, которые особенно ценны в условиях кризиса, у себя. Полезнее иметь мешок с мукой, чем

мешок с рублями. Особенность гиперинфляции в том, что она оборачивается параличом товарных потоков. И тогда есть только два варианта действий. Либо ты эти товарные потоки восстанавливаешь силой (экстремальный вариант – посылаешь продотряды), тогда кто-то должен силой отбирать продукты и их делить – по карточкам, по нормам и т.д... Либо наступает паралич системы снабжения. Это самое страшное, что может принести гиперинфляция. Скажем, если начать осуществление программы академиков, то угроза полного паралича снабжения Москвы и Питера в течение следующего полугодия реальна.

– Много разговоров идет в последнее время об изменении Конституции, о Конституционном собрании. Что Вы думаете по этому поводу?

– Я полагаю, что сейчас, в условиях острейшего экономического и политического кризиса, подтачивать опору существующей Конституции опасно. В коммунистических газетах с завидной регулярностью поднимается одна очевидная тема: обсуждается, как получить в свои руки весь набор рычагов политической власти, позволяющий при необходимости заткнуть рот оппонентам. И в этой ситуации мне кажется, что любые потуги коммунистов, направленные на отставку президента и изменение Конституции, должны встречать сопротивление. Это то, чего допустить нельзя.

– Просто получить в свое распоряжение инструментарий – в нынешних условиях этого может оказаться недостаточно для того, чтобы обрести полноту власти. Способны ли коммунисты для достижения своих целей пойти на открытое насилие – имеется в виду, достаточно ли у них опоры для этого?

– Открытое насилие? Надо учесть, что у коммунистов сильная поддержка в силовых структурах. Там было очень много их симпатизантов даже в условиях демократического режима. Посмотрите на прокуратуру – главным преследуемым ею разжигателем национальной розни на протяжении многих лет была В.Новодворская; Баркашова там, как известно, не замечают. И так ведет себя отнюдь не только

прокуратура. Поэтому недооценивать влияние коммунистов в силовых структурах, размеров их поддержки нельзя.

– Что нужно сделать для того, чтобы состав Думы оказался все-таки адекватным ситуации?

– На мой взгляд, то, что происходит сегодня, впервые за долгие годы создает – при всей трагичности – возможность серьезной политической активизации тех социальных групп в России, которые реально заинтересованы в стабильности валюты, в рыночных реформах, в работающей рыночной экономике, в открытости миру. Эти группы в России есть, и они не малы. Они были политически пассивны. У них было ощущение, что все перечисленное им гарантировано. Ну это же нормальная жизнь, когда у тебя конвертируемая валюта, возможность ездить за границу с кредитной карточкой, а не с кипятильником и бульонным кубиком. Зачем, считали они, им политика? Пусть политикой занимаются неудачники, недотепы, те, кто не сумел приспособиться, найти себя в новых условиях. Сейчас на очереди массовая политическая активизация этих групп, и вопрос в том, как ее организовать. Это тот средний класс, который может стать опорой серьезного движения России к рынку, к устойчивым серьезным реформам, как это случилось в Болгарии после периода некоммунистического правления. Но, к сожалению, он может кинуться и под крыло заботливого диктатора-националиста, который пообещает защитить и утешить. Однако, мне кажется, все-таки, что большая часть этого среднего слоя ориентирована на демократию, на сохранение открытости миру.

Убежден, что мобилизация этого потенциала позволит радикально изменить политический ландшафт России, по-другому выстроить следующие президентские и парламентские выборы, получить другой парламент. Конечно, для этого нужна очень серьезная работа, наша и наших единомышленников, по созданию политического объединения, позволяющего мобилизовать этот потенциал и направить его на борьбу за цивилизованную, демократическую, рыночную Россию.

Интервью брал Алексей Бадольский.